

В.Г. Захаров

Северное историко-родословное общество (Архангельск)

СУДЬБА АРХАНГЕЛОГОРОДЦА ГРИГОРИЯ ГАСКОНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Статья раскрывает механизм формирования политического обвинения в отношении инакомыслящего гражданина СССР в период Большого террора. Автор анализирует семейно-бытовые факторы, которые провоцировали доноительство и приводили к непоправимым последствиям.

Большой террор, донос, политическое обвинение, агитация, клевета, реабилитация.

Временем Большого террора историки называют период 1937–1938 годов, когда политические репрессии и нарушения законности в отношении советских граждан приобрели массовый характер. По данной проблеме существует объемный список литературы, из которого мне хотелось бы выделить работу французского историка Франсуа-Ксавье Нерара «Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941)». На мой взгляд, исследование Нерара показывает, почему политическое руководство Советского Союза придавало такое большое значение письмам трудящихся «во власть». Ведь лично Сталин считал достаточным основанием для расследования 5% правды в каждом письме, а формирование системы социального контроля было одной из важнейших задач деятельности режима. Среди прочих Нерар поднимает вопрос: являлась ли семья «центральным винтиком» практики доноительства [2]. Изученные мной материалы архива ФСБ также могут пролить свет на эту проблему.

Под жернова репрессий по причине своего социального происхождения, по доносу, из-за неосторожно рассказанного анекдота, критического суждения о политике партии и правительства тогда мог попасть любой взрослый человек и даже подросток. Потрясающий документальный материал о своих лагерных скитаниях оставил москвич Юрий Чирков, арестованный в 1935 году четырнадцатилетним подростком [3]. Не избежал этой участи, но уже в зрелом возрасте и архангелогородец Григорий Александрович Гасконский.

Он родился в 1896 году в городе Нижний Ломов Пензенской губернии в семье преподавателя женского начального училища Александра Ивановича Гасконского. В том же году семья переехала на жительство в Архангельскую губернию. Вскоре глава семьи был рукоположен в сан священника Топецкого прихода Шенкурского уезда. В семье Гасконских росли 10 детей, где Григорий был одним из шести братьев. В 1919 году он закончил 6 классов Архангельской духовной семинарии и какое-то время работал учителем в одной из архангельских школ. Но, видимо, был уволен по причине своего социального происхожде-

ния как сын служителя религиозного культа. Хотя его отец умер еще в 1912 году.

В середине 1920-х годов Г.А. Гасконский вступил в брак с Александрой Григорьевной Гасконской (ее девичья фамилия мне неизвестна), 1898 года рождения, уроженке местечка Слупцы бывшей Калишской губернии (Польша). Брак не сложился и уже в 1928 году по инициативе жены был расторгнут. В семье к тому времени родились два сына. Через какое-то время бывшие супруги помирились и снова стали жить вместе на Бакарице, в поселке лесозавода № 4. В 1929 году у них появилась дочь Ия.

Александра Григорьевна Гасконская работала преподавателем школы для взрослых при лесозаводе № 4. А Григорий Александрович работал помощником бухгалтера на одном из участков строительства железнодорожной ветки Исакогорка – Судострой (будущий г. Молотовск – ныне Северодвинск). Но позднее он потерял и эту работу, так как стал злоупотреблять спиртным. Возможно, одной из причин его пьянства стал душевный разлад, вызванный жизненной неустроенностью, неурядицами в семье, критическим отношением к окружающей действительности. На многие вещи ему наверняка открыл глаза старший брат Николай, в 1933 году осужденный по сфабрикованному обвинению за «антисоветскую агитацию» Особым совещанием при коллегии ОГПУ к трем годам ссылки в Северный край (республика Коми).

Но Григорий Александрович, наверное, и предполагать не мог откуда ему будет нанесен смертельный удар. Его нанесла бывшая жена, с которой они продолжали проживать вместе.

В конце октября 1937 года в партком ВКП(б) при лесозаводе № 4 поступило заявление от члена ВКП(б) Александры Гасконской. Начиналось оно так: «Товарищи помогите мне выбраться из этой гадкой жизни. Мне так надоело пьянство Гасконского Г. с одной стороны, но самое главное, он совсем видно пошел по другому пути. И в пьяном виде ругал весь наш ЦК партии большевиков, а вчера выразился так: “Я буду голосовать только за Рыкова больше никто из них не заслуживает”. Чего еще дальше ждать? Ведь это явный враг. Он видимо не может переваривать нашей

новой жизни. Кроме того нет ли здесь чего-либо другого?». И далее: «...Я хочу 20 годовщину Октябрьской революции провести как и все люди преданные Советскому Союзу а не с врагом, а также и просит мой сын Игорь 11 лет который учится в 4 классе. Он говорит это не папка а негодяй и я его боюсь. Попроси мама чтобы его убрали от нас.

Освободившись от этого зла, я буду также честно работать и помогать нашему общему делу в построении социализма. Я буду верной до конца своей жизни, как работала до сих пор» [1, л. 10, 11] (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены. – В. З.).

Письмо написано от руки на четырех тетрадных страницах и датировано 27 октября 1937 года. Чем оно было продиктовано? Думается, прежде всего, стремлением обезопасить себя и своих детей и защититься от возможного доноса. Из письма видно, что автор его – не очень грамотная женщина, но правоверный член партии, целиком находившаяся под влиянием официальной пропаганды, которая призвала проявлять политическую бдительность и выявлять врагов народа, под какой бы личиной они не скрывались. Проблема семейно-бытовых отношений в ее интерпретации стала проблемой политической со всеми вытекающими последствиями.

Возможно, что вскоре Александра Григорьевна пожалела о своем заявлении, которое по существу являлось доносом на бывшего мужа, но было уже поздно. Заявление было передано парткомом в органы НКВД, которые взяли Г. Гасконского в разработку. Репрессивный механизм был запущен, и его было не остановить. Как отмечает историк Н.Г. Кедров, «в условиях размаха репрессий и активной работы агитпропа по разъяснению карательных акций чрезвычайно упростился механизм формирования политического обвинения» [4].

В мае 2019 года мне довелось ознакомиться с архивным следственным делом Г.А. Гасконского. И теперь можно проследить, в какой хронологической последовательности развивались дальнейшие события.

Первого ноября 1937 года на заявлении Александры Гасконской была наложена резолюция: «Т.[оварищу] Шульман. Арестовать Гасконского». 15 ноября справку на арест и привлечение к уголовной ответственности Гасконского Г.А. утвердил нач.[альник] Управ.[ления] НКВД по Арх. обл. майор Госуд.[арственной] Безопасности Дементьев. А на следующий день арест Г. Гасконского по ст. 58, п. 10 УК санкционировал прокурор Архангельской области Коржин.

В справке на арест сообщалось следующее: «В Упр. НКВД по Архобласти поступили сведения, что Гасконский Г.А. не имеющий определенных занятий быв.[ший] преподаватель средней школы, морально разложившийся ведет систематическую контрреволюционную деятельность. В феврале м[еся]-ца 1937 г. Гасконский распространял контрреволюционную клевету по адресу руководителей Советского правительства. Аналогичные факты имели место и в марте и октябре месяцах 1937 года. В мае и октябре мес. 1937 г. Гасконский распространял к[онтр]-р[еволюционные] измышления о политике Советско-

го правительства. В августе м[еся]-ц[е] 1937 г. высказывал пораженческо-повстанческие настроения» [1, л. 1].

Шестнадцатого ноября 1937 г. было утверждено Постановление об избрании меры пресечения. Г.А. Гасконский был признан социально-опасным, а потому мерой пресечения для него было избрано содержание под стражей в следственной тюрьме по 1 категории.

Семнадцатым ноября датировано заполнение Анкеты арестованного и в этот же день проведен его допрос. В ответах на вопросы анкеты был указан подробный состав семьи Г.А. Гасконского, места проживания и занятия архангельских родственников. Скрывать, собственно, для него не имело смысла: все равно бы узнали. Но примечательно, что Григорий Александрович ни словом не обмолвился о сестрах – Антонине, Надежде и Александре, которые проживали за пределами Архангельска.

Последним в Анкете был пункт: «Служба в белых и др[угих].к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Сов[етской]. власти (когда и в качестве кого)». Ответ со слов Г. Гасконского записан следующий: «В 1919 г. мобилизован в рабочий батальон (так в тексте. – В. З.) белой армии – работал на Бакарице. В 1920 г. три мес. служил в Красной армии – в нестроевой части на Бакарице. В восстаниях и бандах не участвовал» [1, л. 5 об.].

Анкета заверена личной подписью арестованного. Примечательно, что все юридические формальности при ведении следственного дела скрупулезно соблюдались.

Первый допрос арестованного состоялся 17 ноября 1937 года. Но конкретные показания по существу обвиняемого датированы почему-то 28 декабря 1937 года. Видимо, с самого начала Г.А. Гасконский ни по одному из предъявленных ему обвинений не признал себя виновным и не пошел на сотрудничество со следствием. Никого не оговорил и не дал нужных следствию показаний, в которых оно было заинтересовано. В конце декабря следствие привлекает в качестве свидетелей обвинения преподавателя средней школы № 1 Исакогорского района Алексея Ивановича С-ова, фамилия которого упоминалась в заявлении А.Г. Гасконской, проживавшего неподалеку.

Григорий Александрович Гасконский.
Фотография из следственного дела. 1937 год

Уроженец одной из деревень Усть-Паденьгского сельсовета Ровдинского района А.И. С-ов 26 декабря 1937 года дал развернутые показания на Г.А. Гасконского. В частности, свидетель сообщил следующее: «...В середине мая 1937 г. Гасконский в беседе со мной высказывал клевету на советскую власть, сообщил мне, что у него за границей живет два брата: один в Варне, а другой в Версале. Кроме того, он высказал намерения переехать за границу нелегальным путем через Мурманский порт, где у него, якобы, имеется знакомый... (фамилия неразборчива. – В. З.), могущий оказать ему содействие в этом... Антисоветская агитация Гасконского носит систематический характер. В октябре м-ц он встретившись со мной выпивши немного, на мое замечание по этому поводу сказал: “Пью для того, чтобы дать государству средства для строительства. Если мы не будем пить, то государство потерпит крах”. На мое замечание, что государство живет не водкой, он продолжал: “Государство живет именно водкой и обманом. Везде и всюду ведется только обман”.

Затронув в этом разговоре вопрос о распространении госзайма, высказывал контрреволюционную клевету на систему его распространения среди рабочих и служащих. Подобная контрреволюционная клевета заставила меня порвать всякие связи с Гасконским и сделать соответствующие выводы» [1, л. 13, 13 об. 14, 14 об.].

Сам Григорий Гасконский на допросе 28 декабря 1937 года, отвечая на вопрос о том, кого из родственников он имеет и где они проживают и работают, сказал, что о братьях Иване и Сергее он не имеет сведений со времен империалистической войны. «...Писем или каких-либо других сведений от них я не получал. Получали ли какие мои родственники мне не известно» [1, л. 9].

Вторым свидетелем обвинения Г.А. Гасконского стала автор заявления в партком Александра Гасконская. В протоколе допроса от 27 декабря она повторила в основном те факты, которые приводила ранее, отметив, что Гасконский систематически проявлял недовольство существующим строем, «выражения: “Вот до чего довела нас советская власть” (так в тексте. – В. З.) были очень часты» [1, л. 12].

Последние показания обвиняемого Гасконского Г.А. датированы 28 декабря 1937 года. Приведем несколько вопросов и ответов из протокола допроса:

«ВОПРОС: Вы обвиняетесь в контрреволюционной агитации. Признаете вы себя виновным? Дайте показания по этому вопросу.

ОТВЕТ: Виновным себя в контрреволюционной агитации не признаю. В трезвом состоянии каких-либо антисоветских высказываний с моей стороны не было, а что касается моментов, когда я бывал пьян, в состоянии невменяемости, то за себя не могу отвечать, фактов каких-либо не помню.

ВОПРОС: Накануне Октябрьских торжеств, в 1937 году у себя на квартире вы наносили циничные контрреволюционные оскорбления по адресу руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Тогда же заявили, что “Свой голос при выборах в Верховный Совет отдадите только за врага народа Рыкова”. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Отрицаю. Этого я не говорил никогда.

ВОПРОС: Вы в этом изобличаетесь показаниями вашей жены. Почему вы это отрицаете?

ОТВЕТ: Отрицаю категорически» [1, л. 8, 8 об.].

Не трудно заметить, что предъявленные Г.А. Гасконскому обвинения не соответствовали действительности: свидетельские показания не совпадали с предъявленными обвинениями, то есть приговор не был основан на фактических обстоятельствах. Агитация могла носить только публичный характер. Инакомыслие не подкреплялось действиями, а значит не могло иметь состава преступления. Но эти очевидные логические несоответствия во внимание не принимались. Да это и не заботило следствие. Ведь дело готовилось в явной спешке к рассмотрению во внесудебной инстанции, где не предполагалось участие ни судьи, ни адвоката.

В Заключении по следственному делу в отношении Гасконского Г.А., подлежащего разбору тройкой УНКВД по Арх. области, сущность обвинения была сформулирована следующим образом: «Систематически ведет пораженческо-повстанческую (стоит обратить внимание на алогичность самой этой формулировки. – В. З.) к[онтр]-р[еволюционную] агитацию, высказывая повстанческие настроения.

Высказывает контрреволюционную клевету на Советскую власть, нанося циничные к[онтр]-р[еволюционные] оскорбления по адресу руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Возводит к[онтр]-р[еволюционную] клевету на систему распространения государственных займов.

Восхваляет врагов народа осужденных как предателей, шпионов и диверсантов-террористов.

Имел намерения нелегально перейти границу.

Виновным себя не признал.

Изобличается свидетелями: Гасконской А.Г. и С-ым А.И.» [1, л. 15].

Следствию хотелось добиться от Гасконского Г.А. признательных показаний. Но он твердо стоял на своем, отрицая предъявленные обвинения, никого не оговорил, вел себя мужественно и достойно. Применялись ли к нему методы физического воздействия? Неизвестно. Давление психологическое, конечно, оказывалось. Но Григорий Александрович ему не поддавался. Его твердая позиция непризнания вины, на мой взгляд, уберегла от возможного преследования младших братьев Георгия, Анатолия и сестру Елену, проживавших в Архангельске. Их не тронули.

Двадцать девятого декабря 1937 года заседание «тройки» при управлении НКВД Архангельской области постановило: «Гасконского Григория Александровича – расстрелять. Дело сдать в архив» [1, л. 16].

Приговор был приведен в исполнение 9 января 1938 года. Место расстрела и захоронения неизвестно. Возможно, это произошло на Мхах или в Лявле.

Невольно возникает вопрос: могло ли признание вины и чистосердечное раскаяние Гасконского Г.А. сохранить ему жизнь? Мне кажется, что нет. Ведь его дело проходило по 1-й категории. А в то время это означало одно: применение к обвиняемому, как тогда говорили, «высшей меры социальной защиты». К тому же известно, что в период Большого террора на места спускались разрядки, в которых определя-

лось, сколько «врагов народа» надо изболтать по той или иной категории. Так что участь арестованных во многом была предрешена.

Полностью Г.А. Гасконского реабилитировали 28 июля 1989 года [5, с. 265].

И с этим событием связана еще одна любопытная история. В апреле 1995 года с заявлением к прокурору Архангельской области обратилась дочь Григория Александровича Гасконского – Чепыгина (Гасконская) Ия Григорьевна. Вот фрагмент из ее письма:

«...Точной даты ареста отца я не помню, в 1937–1938 годах. Где судили и судили ли вообще никто из нас не знал и лишь только в 1990 г. узнали из газеты «Правда Севера» № 251 от 1 ноября... Причины ареста отца я не знаю, мне никто об этом не говорил, мне всего было тогда 8–9 лет. После ареста отца через год заболел мой старший брат Игорь и мать выехала вместе с нами для лечения сына на Украину. В Одесскую область г. Балта, а когда началась война, мы оказались под оккупацией. На Украине умер мой брат Игорь от туберкулеза. На Север вновь вернулись в 1946 году».

Из письма И.Г. Чепыгиной (Гасконской) мне стало известно, что и второй ее брат – Юрий, 1928 года рождения, умер на Бакарице в 1951 году совсем молодым. Как сложилась судьба матери – А.Г. Гасконской – пока не известно. Но жизнь сыграла с ней злую шутку, если можно назвать это шуткой. Знакомясь с делом Г.А. Гасконского, я обратил внимание, что в 1949 году оно запрашивалось из архива Исакогорским РО УМГБ. Оказалось, что это было вызвано оперативной надобностью, так как Гасконская А.Г. разрабатывалась по подозрению к немецкой разведке! Но в отношении ее, кажется, все обошлось.

Судьба А.Г. Гасконского свидетельствует о том, что разлагающая атмосфера Большого террора влияла и на отношения в семье. Мотивы личной неприязни, бытовые конфликты и неурядицы в доносах обретали форму политических обвинений, что в свою очередь способствовало осуществлению репрессий. Со времени Большого террора, жертвами которого только в Архангельской области стали более 20 тысяч человек, прошло 80 лет [5, с. 18–19]. Сделаны ли обществом и государством исчерпывающие выводы из случившегося? Думаю, что нет. В годы перестройки, в конце 80-х годов XX века прошел процесс реабилитации жертв политических репрессий, началось извлечение уроков и осмысление трагических событий 1930-х годов. С наступлением нового века об этом стали вспоминать все реже. Многие архивные дела до сих пор не рассекречены, а сами архивы стали менее доступны для исследователей. Долг историков, журналистов и краеведов не допустить забвения неудобных страниц нашей истории.

Литература

1. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Ф. 7. Д. П-14 686.
2. Нерар, Ф.-К. «Пять процентов правды». Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941) / Ф.-К. Нерар. – Москва : РОСПЭН, 2011. – 398 с.
3. Чирков, Ю. И. «А было всё так...: Моим товарищам посвящается» / Ю. И. Чирков. – Москва : Политиздат, 1991. – 382 с.
4. Кедров, Н. Г. Большой террор 1937 года и северное крестьянство (к истории «духа» советских репрессий) / Н. Г. Кедров // Двинская земля. – Котлас : ЭЛПА, 2007. – Вып. 5. – С. 191.
5. Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. – Архангельск : Поморский государственный университет, 1999. – 869 с.

V.G. Zakharov

THE FATE OF GRIGORY GASKONSKY, A NATIVE OF ARKHANGELSK, IN THE CONTEXT OF THE GREAT TERROR HISTORY

The article reveals the mechanism of bringing political charges against a dissident citizen of the USSR during the Great terror. The author analyzes the family and household factors which provoked whistle-blowing and led to irreparable consequences.

Great terror, denunciation, political accusation, agitation, defamation, rehabilitation.